
Ева Рейн
Измена.
Дети уже с ней
познакомились

Ева Рейн

Измена: Дети уже с ней познакомились...

«Литнет»
2026

Рейн Е.

Измена: Дети уже с ней познакомились... / Е. Рейн — «Литнет», 2026

— Мам, а зачем ты собираешь чемодан? Папа сказал, что с нами на море полетит тётя Марина, а ты останешься дома!Я смотрю на дочь и не могу произнести ни слова. Передо мной четыре билета. На последнем — имя любовницы моего мужа. Но самое страшное даже не это. Оказывается, мои дети уже несколько месяцев знают эту женщину. Знают, любят с ней гулять и старательно скрывают всё от меня. Даже свекровь помогала им хранить тайну!Семнадцать лет брака, двое детей, общий дом и фотостудия — всё перечёркнуто одним вечером. А муж даже не считает себя виноватым. Более того, он предлагает мне продолжать работать на него и любовницу. И сфотографировать их новую счастливую семью. С моими собственными детьми!Он уверен, что я проглочу унижение ради семьи и буду молча смотреть, как другая женщина занимает моё место. Но однажды ему самому придётся просить меня вернуться. И тогда я напомню ему о четвёртом билете.

© Рейн Е., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Четвёртый билет 5
Глава 2. Чемодан сына 15
Глава 3. Пять месяцев чужого счастья 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Глава 1. Четвёртый билет

Вера в третий раз раскрыла чемодан, вытащила из него аккуратно сложенное полотенце и с раздражением бросила на кровать. Полотенце было совершенно лишним, поскольку в гостинице их наверняка выдавали, однако девятилетняя Соня непременно хотела взять именно это, с вышитыми по краю жёлтыми утятами. Вера ещё утром объяснила дочери, что в чемодане и без того мало места, но та стояла на своём, и теперь приходилось решать, что оставить дома. За окном стоял душный июньский вечер, с улицы доносился стрекот работающей у соседей газонокосилки, а из распахнутого окна детской комнаты слышалась музыка. Кирилл, которому в апреле исполнилось шестнадцать, уже второй час собирался в дорогу, хотя, судя по грохоту компьютерной игры, никаких особенных успехов в этом деле не достиг. Вера посмотрела на часы, вздохнула и положила полотенце обратно. Пусть берёт, раз так хочется. В конце концов, они отправлялись отдыхать, а вовсе не участвовать в соревновании по правильной укладке багажа.

До отпуска оставалось меньше суток, и Вера с самого утра находилась в приподнятом настроении, которое несколько портили обычные домашние хлопоты. В фотостудии пришлось закончить обработку последних снимков, передать помощнице список заказов на следующую неделю, ответить на несколько звонков и ещё раз проверить, всем ли клиентам отправлены готовые фотографии. Антон обещал самостоятельно разобраться с оставшимися рабочими вопросами, но Вера слишком хорошо знала, что по возвращении обнаружит целую гору мелких недоделок, если не приведёт всё в порядок перед отъездом. Муж занимался рекламой, договорами и организацией съёмок, и в этом деле ему действительно не было равных. Он умел разговаривать с людьми, договариваться о скидках, находить выгодные предложения и убеждать даже самых сомневающихся заказчиков. А вот заниматься фотографиями, проверять качество работы и помнить, какая семья просила убрать с лица ребёнка царапину, приходилось ей. Впрочем, Вера никогда особенно не жаловалась. Семнадцать лет совместной жизни научили её тому, что в каждой семье существует собственный порядок, и их с Антоном порядок прежде вполне устраивал обоих.

Правда, в последнее время что-то изменилось. Муж всё чаще возвращался поздно, перестал интересоваться её съёмками и даже за ужином предпочитал сидеть с телефоном, изредка отвечая на вопросы детей. Раньше они могли часами обсуждать работу, строить планы, спорить о том, стоит ли расширять студию, и смеяться над нелепыми историями, происходившими во время съёмок. Теперь Антон обычно сообщал, что устал, и уходил в кабинет, оставляя Веру одну перед телевизором. Несколько раз она пыталась поговорить, но разговоры неизменно заканчивались одинаково: муж уверял, что ничего страшного не происходит, просто дел стало больше, а она слишком много принимает на свой счёт. Вера обижалась, иногда плакала в ванной, чтобы дети не слышали, а наутро снова занималась привычными делами. Она надеялась, что недельный отпуск позволит им наконец выбраться из бесконечной череды забот, выспаться, погулять вдвоём и поговорить обо всём, на что дома постоянно не хватало времени.

— Мам, а папа сказал, что мне можно взять планшет! — Соня появилась в дверях спальни, прижимая к груди розовый чехол с нарисованным единорогом. Девочка уже переоделась в пижаму, хотя до сна оставалось ещё довольно много времени, а волосы после душа торчали во все стороны. — Ты только не ругайся, пожалуйста. Я буду играть совсем немножко, когда мы полетим.

— Я и не собиралась ругаться, — ответила Вера, присаживаясь на край кровати и протягивая руку к дочери. — Только давай договоримся, что в самолёте ты сначала посмотришь мультики, а потом уберёшь его. И не забудь зарядку, как в прошлый раз. Помнишь, как мы потом всей семьёй искали подходящий провод?

Соня засмеялась, забралась к матери на колени и принялась рассказывать, что Кирилл обещал показать ей какую-то игру. Вера слушала вполуха, поправляя дочери влажные волосы, и думала о том, как быстро та растёт. Ещё недавно Соня боялась оставаться без мамы даже у бабушки, а теперь совершенно спокойно ездила с отцом по магазинам, ходила с ним в кино и иногда сама просила разрешения провести выходной у Нины Павловны. Антон в последние месяцы действительно стал чаще забирать детей куда-нибудь без неё, и Вера этому радовалась. Она много работала по выходным, особенно весной, когда начинались выпускные и семейные съёмки, поэтому возможность спокойно обработать фотографии или просто немного отдохнуть казалась настоящим подарком. Иногда ей даже становилось неловко оттого, что муж занимается детьми, пока она сидит перед компьютером. В такие дни Вера старалась приготовить к их возвращению что-нибудь вкусное и обязательно расспрашивала Соню, хорошо ли они провели время.

Отпустив дочь, она закрыла чемодан и направилась к шкафу. Там, в бумажном пакете, лежало новое платье, купленное три дня назад во время короткого перерыва между съёмками. Вера долго сомневалась, стоит ли тратить деньги на вещь, которую, возможно, наденет всего несколько раз, но продавщица так настойчиво хвалила её отражение, что она в конце концов поддалась. Платье было лёгким, тёмно-синим, с открытыми плечами и небольшим разрезом сбоку. Вера примерила его перед зеркалом, расправила ткань на бёдрах и придирчиво оглядела себя. За последние годы она немного поправилась, особенно в талии, и иногда с неприятным удивлением замечала, как изменилось тело после двух беременностей и бесконечных рабочих дней. Но сейчас отражение ей понравилось. Она распустила волосы, обычно собранные в небрежный хвост, подкрасила губы помадой и несколько секунд постояла перед зеркалом, представляя, как они с Антоном сидят вечером в ресторанчике возле моря, а дети уже спят в номере.

Муж нашёлся в кабинете. Он сидел за столом перед открытым ноутбуком, время от времени поглядывая на телефон, и даже не поднял головы, когда Вера остановилась в дверях. На нём была домашняя футболка, которую она подарила ему прошлым летом, и старые шорты. Когда-то Антон любил встречать её шутками, мог неожиданно обнять за талию или притянуть к себе прямо посреди разговора. Теперь Вера почти всегда первой подходила поцеловать его, и порой ей становилось так обидно от этого, что она нарочно проходила мимо, ожидая хотя бы какого-нибудь знака внимания. Обычно Антон ничего не замечал.

— Тош, посмотри на меня, пожалуйста, — попросила она, прислонившись плечом к дверному косяку. — Я тут кое-что купила для отпуска. Только скажи честно, идёт мне или нет, потому что я ещё могу завтра утром вернуть.

Антон поднял взгляд от экрана, скользнул им по платью и кивнул. Он даже немного улыбнулся, однако уже через мгновение снова потянулся к телефону, который завибрировал возле клавиатуры.

— Нормальное платье, Вер. Тебе идёт, — сказал он, быстро набирая кому-то ответ. — Только завтра утром мы уже будем в дороге, так что возвращать ничего не получится. Ты лучше проверь, все ли документы собраны. И Соню уложи пораньше, а то она опять до ночи просидит.

Вера ещё несколько секунд стояла в дверях, ожидая, что он хотя бы снова посмотрит на неё. Ей захотелось спросить, действительно ли он считает платье красивым или просто сказал первое, что пришло в голову, но она вовремя прикусила язык. Начинать ссору накануне отпуска из-за такой глупости было бы совершенно нелепо, тем более что Антон наверняка занимался последними рабочими вопросами. Она выдавила улыбку, сказала, что документы сейчас проверит, и вернулась в спальню. Только сняв платье, Вера вдруг почувствовала себя до смешного глупо. Зачем она вообще ходила к нему показываться, словно девочка, которая впервые купила красивую вещь и ждёт, что кто-нибудь обязательно оценит её старания? Она

повесила платье на дверцу шкафа, посмотрела на него ещё раз и всё-таки решила взять с собой. Может быть, на отдыхе муж окажется внимательнее.

К ужину все собрались с опозданием. Кирилл явился в кухню после третьего приглашения, с телефоном в руке и наушником в одном ухе, за что немедленно получил замечание от матери. Соня притащила плюшевого медведя, которого тоже собиралась взять в самолёт, а Антон пришёл из кабинета последним и первым делом спросил, готов ли чай. Вера поставила на стол запечённую курицу, картофель и салат, стараясь не обращать внимания на то, что никто не предложил ей помочь. Обычно перед поездками их семейные ужины превращались в шумное обсуждение предстоящих развлечений, и сегодня она тоже рассчитывала поговорить о море, гостинице и экскурсиях. Однако Антон выглядел каким-то задумчивым, Кирилл отвечал коротко, а Соня больше интересовалась тем, есть ли в гостиничном бассейне горка.

— Между прочим, я нашла там недалеко чудесную набережную, — сказала Вера, когда все немного поели. — Помните, я вам фотографии показывала? Там вечером включают подсветку, и можно дойти до старого маяка. Я бы хотела хотя бы один раз сходить туда всей семьёй. Кирилл, ты ведь не против? Или у тебя уже собственные планы на весь отпуск?

— Да нет, нормально, — отозвался сын, не поднимая глаз от тарелки. Он поковырял вилкой картофель и добавил после короткой паузы: — Только я не хочу каждый день таскаться по экскурсиям. Мы же всё-таки отдыхать едем.

— Никто тебя каждый день никуда таскать не собирается, — заверила Вера и посмотрела на мужа. — Антон, а ты что скажешь? Я ещё нашла ресторанчик прямо возле воды. Можно будет вечером сходить, если дети не захотят с нами.

— Посмотрим на месте, — ответил тот, наливая себе чай. — Не надо сейчас расписывать каждую минуту. Приедем, устроимся, а там разберёмся.

Вера согласилась, хотя ей было неприятно, что муж даже не спросил, куда именно она предлагает сходить. Соня принялась рассказывать о том, как собирается научиться плавать без нарукавников, а Кирилл неожиданно спросил у отца, можно ли ему будет взять напрокат велосипед. Антон сразу оживился, стал объяснять, где лучше кататься, и пообещал показать сыну несколько интересных мест. Вера прислушалась к разговору, но вмешиваться не стала. Её немного удивило, что муж уже знает окрестности гостиницы настолько хорошо, однако это легко объяснялось тем, что именно он занимался оформлением поездки. Она лишь попросила не забывать о Соне, которой тоже захочется куда-нибудь выбраться, и заметила, как Кирилл вдруг посмотрел на отца. Взгляд был коротким, почти незаметным, поэтому Вера не придала ему значения.

После ужина Антон снова ушёл в кабинет, сославшись на необходимость закончить дела, а Кирилл принялся убирать со стола с таким недовольным видом, будто его заставили выполнять непосильную работу. Вера велела ему хотя бы отнести тарелки к раковине, а сама занялась посудой. Соня крутилась рядом, выпрашивая разрешение не ложиться спать ещё полчаса, и в конце концов добилась своего. Когда дочь убежала к себе, Вера вдруг вспомнила, как много лет назад они с Антоном собирались в первую совместную поездку. Тогда Кирилл был совсем маленьким, денег едва хватало на гостиницу попроще, а Антон всю ночь рассказывал ей, как однажды они обязательно купят большой дом, откроют собственное дело и будут путешествовать всей семьёй. Дом у них теперь был, студия тоже, дети выросли, а вот времени друг на друга почему-то осталось гораздо меньше. Вера выключила воду, вытерла руки и решила, что обязательно поговорит с мужем на отдыхе. Не станет упрекать, вспоминать каждую обиду или требовать немедленных признаний, а просто скажет, как ей не хватает прежнего Антона.

Закончив на кухне, она отправилась за документами. Паспорта лежали в ящике комода, свидетельство о рождении Сони — в прозрачной папке, а билеты Антон распечатал ещё днём и оставил вместе с остальными бумагами на тумбе в прихожей. Вера помнила, как несколько недель выбирала гостиницу, читала отзывы, сравнивала фотографии номеров и выясняла,

удобно ли будет детям. Муж предложил взять оплату и оформление на себя, поскольку у него это всегда получалось быстрее, и она с благодарностью согласилась. Ей даже понравилось, что на этот раз не приходится самостоятельно заниматься всем от начала до конца. Теперь оставалось только убедиться, что никто ничего не забыл, и сложить документы в небольшую дорожную сумку.

Вера разложила бумаги на обеденном столе и первым делом проверила паспорта. Затем взяла распечатки билетов, собираясь положить их в том же порядке, в каком обычно хранила семейные документы: Антон, она сама, Кирилл и Соня. Первый билет был оформлен на мужа, второй — на Кирилла, третий — на дочь. Вера машинально перевернула последнюю страницу и уже потянулась к сумке, когда взгляд зацепился за незнакомую фамилию. На четвёртом билете значилось имя Марины Беляевой. Она нахмурилась, приблизила лист к глазам и ещё раз прочитала имя, затем фамилию, словно в первый раз могла что-то перепутать.

Марина Беляева. Вера не знала никакой Марины Беляевой, которая могла бы отправиться с ними в отпуск. Она несколько секунд смотрела на строчку, потом принялась перебирать остальные бумаги, надеясь найти свой билет где-нибудь между подтверждением гостиницы и распечаткой с временем вылета. На столе остались только четыре документа, все оформленные на один рейс и одну дату. Вера снова просмотрела их, уже внимательнее, проверила имена детей, место вылета и название гостиницы. Её собственной фамилии нигде не было. В голове возникла совершенно нелепая мысль, что Антон по ошибке распечатал документы какой-нибудь клиентки, а её билет просто забыл положить. Она даже почувствовала облегчение от этого объяснения, хотя прекрасно понимала, что чужая клиентка не могла случайно оказаться четвёртым пассажиром именно их семейной поездки.

— Антон! — позвала Вера, стараясь говорить достаточно громко, чтобы муж услышал из кабинета. — Иди сюда, пожалуйста! У нас тут какая-то ерунда с билетами. Я не могу свой найти.

Ответа не последовало, поэтому она взяла распечатки и направилась по коридору. Дверь кабинета была приоткрыта, из-за неё доносился голос мужа, разговаривавшего по телефону. Увидев Веру, Антон замолчал на полуслове, посмотрел на бумаги у неё в руке и сразу изменился в лице. Это произошло настолько быстро, что она сперва не поняла, что именно заметила. Он не испугался, не удивился, а словно досадливо поморщился, обнаружив, что неприятное дело приходится решать раньше намеченного срока. Антон коротко попрощался с собеседником, положил телефон экраном вниз и откинулся на спинку кресла.

— Что случилось? — спросил он, хотя продолжал смотреть на билеты. Голос звучал ровно, но Вере почему-то показалось, что муж уже знает ответ.

— Ты, наверное, что-то напутал при оформлении, — сказала она, протягивая ему бумаги. — Здесь какой-то чужой билет вместо моего. Марина Беляева. Ты посмотри, пожалуйста, потому что завтра утром мы уже ничего не успеем исправить. Я вообще не понимаю, как такое могло получиться.

Антон взял верхнюю распечатку, скользнул по ней глазами и положил на стол. Он не стал открывать ноутбук, искать подтверждение бронирования или проверять остальные документы. Вместо этого посмотрел в сторону двери, за которой ещё слышалась музыка из Кирилловой комнаты, и медленно поднялся с кресла.

— Вер, пойдём на кухню, — произнёс он, обходя стол. — Нам нужно поговорить. Только я сразу прошу тебя вести себя нормально, потому что дети дома и завтра рано вставать.

Вера почувствовала, как у неё неприятно похолодело внутри. Ещё минуту назад она собиралась потребовать, чтобы муж немедленно позвонил куда следует и разобрался с ошибкой, но теперь почему-то не могла заставить себя произнести ни слова. Она пошла за Антоном по коридору, машинально придерживая распечатки обеими руками. На кухне всё ещё пахло запечённой курицей, на столе стояла забытая Сонина кружка с остатками компота, а возле

раковины лежало полотенце, которым Вера вытирала посуду. Самая обычная обстановка вдруг показалась ей какой-то чужой. Антон прикрыл дверь, хотя раньше никогда не считал нужным скрывать от детей их разговоры, и жестом предложил жене сесть.

— Я постою, — сказала Вера, отступая к столу. — Ты можешь просто объяснить, что происходит? Почему у нас билет на какую-то Марину Беляеву? И где мой?

Антон потер ладонью подбородок, затем подошёл к окну и прикрыл форточку, через которую доносились вечерние звуки улицы. Вера следила за каждым его движением, всё сильнее раздражаясь от этой неторопливости. Ей хотелось схватить мужа за плечо, заставить повернуться и наконец ответить на элементарный вопрос, но она пока сдерживалась. Только когда Антон снова сел за стол и положил перед собой телефон, словно приготовился к долгому деловому разговору, терпение окончательно лопнуло.

— Господи, Антон, да что ты тянешь? — воскликнула она, бросив перед ним бумаги. — Ты перепутал имена или нет? Мне завтра лететь, а у меня билета нет! Что мне теперь делать, по-твоему?

— Вера, успокойся, — ответил муж и поднял на неё глаза. — Никакой ошибки нет. Билет оформлен правильно, и я собирался всё объяснить тебе сегодня вечером. Просто не думал, что ты полезешь в документы раньше.

Она посмотрела на него, потом на белые листы, лежащие между ними, и почувствовала, как неприятное ощущение в груди стало почти болезненным. Несколько секунд Вера пыталась связать услышанное с именем чужой женщины, с собственным собранным чемоданом, с новой одеждой, которую только что показывала мужу. Объяснения не находилось, а Антон, похоже, вовсе не собирался помогать ей разобраться. Он сидел напротив, спокойный и какой-то удивительно собранный, словно речь шла о неприятном рабочем вопросе, который давно следовало решить.

— Что значит правильно? — спросила Вера, чувствуя, как начинает дрожать голос. — Ты хочешь сказать, что специально оформил билет на другую женщину? Антон, я ничего не понимаю. Кто такая Марина Беляева?

Муж опустил взгляд к своим рукам и несколько секунд молчал. Вера уже собиралась повторить вопрос, когда он наконец заговорил, тщательно подбирая слова и стараясь не повышать голоса.

— Марина — женщина, с которой у меня отношения, — сказал Антон, не глядя на жену. — Это продолжается не первый день, и я не хочу больше обманывать ни тебя, ни её. Наш брак давно перестал быть нормальным, Вера. Мы живём в одном доме, занимаемся общим делом, воспитываем детей, но между нами уже ничего не осталось. Ты ведь сама прекрасно это понимаешь.

Вера сначала решила, что ослышалась. Она даже наклонилась к мужу, словно расстояние между ними мешало разобрать сказанное, и медленно покачала головой. Перед глазами стояло его лицо, совершенно знакомое, с небольшой морщиной возле правого глаза, с едва заметной сединой у виска, появившейся в прошлом году. Всё в этом лице было привычным, кроме выражения. Антон смотрел на неё так, будто ждал, когда она наконец согласится с давно установленным обстоятельством.

— Какие отношения? — выговорила Вера, едва шевеля губами. — Ты мне сейчас говоришь, что у тебя любовница? И ты собираешься взять её с нами в отпуск? Антон, ты вообще понимаешь, что говоришь?

— Я не собираюсь брать её с нами, — поправил муж, и Вера невольно отшатнулась от него. — Мы едем с детьми. Я, Кирилл, Соня и Марина. Тебе сейчас лучше остаться дома, отдохнуть и спокойно всё обдумать. Когда вернёмся, решим, как будем жить дальше.

Вера схватилась за спинку стула, потому что ноги вдруг показались ненадёжными. Ещё утром она выбирала, какие босоножки взять с собой, несколько минут назад обсуждала с доче-

рью купальники, а сейчас муж говорил, что собирается уехать отдыхать с другой женщиной и их детьми, оставив её в пустом доме. Она пыталась представить себе эту поездку и не могла. Соня будет сидеть в самолёте рядом с незнакомой женщиной, Кирилл станет плавать с ней в море, Антон будет водить их по той самой набережной, которую Вера нашла и показывала всем за ужином. А она останется здесь, среди собранных вещей, и будет ждать, когда они вернутся, чтобы обсудить дальнейшую жизнь.

— Ты издеваешься надо мной? — спросила она, и собственный голос показался ей чужим. — Семнадцать лет, Антон! Семнадцать лет я с тобой прожила! У нас двое детей, дом, работа, всё общее! И ты сейчас сидишь и рассказываешь, что завтра поедешь с какой-то бабой на море, а я должна остаться и подумать? О чём мне думать? Как ты мог вообще такое придумать?

Антон поморщился и бросил взгляд на дверь. Вера заметила это движение и ещё сильнее разозлилась, потому что муж, похоже, беспокоился исключительно о том, чтобы дети не услышали её криков. Он не попытался обнять её, объяснить, попросить прощения или хотя бы признать, что поступил отвратительно. Вместо этого сложил руки перед собой и подождал, пока она замолчит.

— Вот именно поэтому я и не хотел начинать разговор раньше, — произнёс он с усталой досадой. — Ты сразу кричишь, ничего не слушаешь и пытаешься сделать из меня чудовище. Да, я полюбил другую женщину. Да, так получилось. Но я не бросаю детей и не собираюсь оставлять тебя без средств. Мы взрослые люди, Вера, и вполне способны решить всё нормально, если ты наконец начнёшь меня слышать.

— Не бросаешь детей? — переспросила она, уже не пытаясь сдерживать слёзы. — А меня ты, значит, бросаешь? Ты вообще понимаешь, что я твоя жена? Я не чужая женщина, которой ты должен объяснить условия сотрудничества! Я вчера спала рядом с тобой, сегодня готовила тебе ужин, а ты уже купил билет своей любовнице! Когда ты собирался мне сказать? Утром, когда такси приедет?

— Я сказал, что сегодня вечером, — отрезал Антон, заметно теряя терпение. — И хватит уже устраивать допрос. Всё давно решено, потому что так больше продолжаться не может. Мы с Мариной вместе, и я не собираюсь от неё отказываться только потому, что тебе трудно принять правду.

Вера вытерла щёки ладонями, но слёзы продолжали течь. Ей хотелось разбить что-нибудь, закричать так громко, чтобы муж наконец перестал говорить этим отвратительно спокойным голосом, или проснуться и обнаружить, что никакого разговора не было. Однако Антон оставался перед ней, билеты лежали на столе, а за стеной по-прежнему звучала музыка. Она вдруг вспомнила, что дети ничего не знают о происходящем, и от этой мысли стало немного легче. По крайней мере, Кирилл и Соня не станут участвовать в таком безумии. Стоит только объяснить им, что отец задумал, и они сами возмутятся, откажутся ехать без матери, потребуют отменить поездку.

— А дети? — спросила она, стараясь говорить тише. — Ты о них вообще подумал? Как ты собираешься объяснить Соне, почему мамы нет рядом? Кирилл уже взрослый, он прекрасно понимает, что такое измена. Ты решил просто привести к ним какую-то женщину и объявить, что теперь она будет с вами отдыхать? Ты хоть представляешь, что у них в голове начнётся?

Антон посмотрел на неё почти с сожалением, и это выражение оказалось почему-то страшнее раздражения. Он откинулся на спинку стула, провёл рукой по волосам и ответил так спокойно, словно сообщал, что дети уже поужинали и теперь можно не беспокоиться об этом вопросе.

— Дети уже с ней познакомились, Вера. Кирилл всё понимает, Соня привыкла, поэтому давай хотя бы сейчас без скандала. Я специально не торопил события, чтобы им было легче, и,

как видишь, всё прошло нормально. Они прекрасно ладят с Мариной, а Кирилл вообще давно считает, что нам стоило разойтись.

Вера перестала вытирать слёзы. Она смотрела на мужа, пытаясь осмыслить сказанное, но мысли путались и разбегались. Дети познакомились с его любовницей. Кирилл всё понимает. Соня привыкла. Эти слова никак не сочетались ни с её дочерью, которая ещё недавно просила помочь выбрать купальник, ни с сыном, обсуждавшим за ужином велосипеды. Вера почувствовала, как начинает холодеть лицо, и медленно опустилась на стул напротив Антона.

— Когда? — спросила она, с трудом разлепив губы. — Когда они с ней познакомились? Антон, я тебя спрашиваю, когда ты познакомил моих детей со своей любовницей?

— Не нужно говорить так, словно это только твои дети, — заметил муж, снова раздражаясь. — Я их отец и имею полное право решать, с кем они общаются. Мы познакомились в январе, потом несколько раз встречались все вместе. Ничего страшного не произошло, никто детей не травмировал. Наоборот, они хорошо приняли Марину, особенно Соня. Поэтому я и говорю, что ты должна отнестись ко всему разумно.

Январь. Вера посмотрела на календарь, висевший возле холодильника, и попыталась посчитать месяцы. Январь, февраль, март, апрель, май, июнь. Почти полгода. За это время Соня несколько раз болела, Кирилл сдавал школьные контрольные, у Нины Павловны был день рождения, а сама Вера провела больше десятка семейных съёмок и успела отметить с мужем годовщину свадьбы. В марте Антон подарил ей букет роз, не особенно красивый, но она всё равно обрадовалась и поставила цветы в любимую вазу. В апреле они вместе выбирали сыну подарок, спорили о цене нового телефона и смеялись над тем, как Кирилл старательно изображает взрослого человека. И всё это время где-то существовала другая женщина, с которой уже познакомились их дети.

— Ты водил их к ней? — спросила Вера, подаваясь вперёд. — Или приводил её сюда, когда меня не было? Господи, Антон, только не говори, что она бывала в нашем доме! Ты ведь знаешь, сколько я работаю по выходным. Вы что, специально ждали, пока я уеду на съёмку?

— Никто никого специально не поджидал, — ответил муж, недовольно постукивая пальцами по столу. — Мы встречались у мамы, иногда ездили куда-нибудь, гуляли. Я не понимаю, почему ты делаешь из этого трагедию. Детям полезно проводить время с отцом, ты сама всегда говорила, что я должен заниматься ими чаще. А теперь выясняется, что и это тебя не устраивает.

Вера вспомнила воскресные утра, когда Антон забирал детей к Нине Павловне, а она оставалась обрабатывать фотографии. Вспомнила, как Соня иногда возвращалась с новыми заколками, сладостями и маленькими подарками, объясняя, что они купили их с папой. Вспомнила довольного Кирилла, который после таких поездок охотнее разговаривал с отцом и всё реже рассказывал матери, где именно они проводили время. Тогда Вера радовалась, что муж нашёл возможность чаще бывать с детьми, и даже благодарила его за помощь. Сейчас ей захотелось зажать уши руками, чтобы больше ничего не слышать, однако Антон продолжал что-то говорить о взрослом подходе и необходимости перестать думать исключительно о собственных чувствах.

Дверь кухни вдруг приоткрылась, и на пороге появилась Соня. Девочка держала в руках планшет, на котором всё ещё светился экран, и смотрела на родителей с тревожным удивлением. Вера сразу попыталась вытереть лицо, но поняла, что скрывать слёзы бесполезно. Антон поднялся со стула, собираясь подойти к дочери, однако та уже заметила лежащие на столе билеты и раскрытую дорожную сумку.

— Мамочка, а почему у тебя чемодан открыт? — спросила Соня, переводя взгляд с матери на отца. — Ты же говорила, что уже всё собрала. Мы разве не завтра уезжаем?

— Завтра, солнышко, — ответила Вера, заставляя себя говорить ласково. — Просто я документы проверяла. Ты иди пока к себе, хорошо? Мы с папой сейчас закончим разговор, и я приду тебя укладывать.

Соня не двинулась с места. Она нахмурилась, посмотрела на отца, затем снова на мать, словно пыталась понять, почему взрослые говорят о чём-то очевидном разными словами. Вера уже собиралась повторить просьбу, когда дочь указала на лежащий возле стула чемодан и совершенно искренне удивилась.

— А зачем ты свои вещи собирала? — спросила девочка. — Папа сегодня сказал, что ты с нами не поедешь. Я думала, ты сама не хочешь. Мам, а ты чего плачешь?

Вера почувствовала, как у неё перехватило дыхание. Она медленно повернулась к Антону, ожидая, что он хотя бы теперь вмешается и объяснит дочери, что произошла какая-то ошибка. Но муж только вздохнул, подошёл к Соне и положил ладонь ей на плечо, стараясь отвести от кухонного стола. Девочка упиралась, не желая уходить, а Вера никак не могла отвести взгляда от его руки.

— Соня, иди в комнату, — попросил Антон, уже заметно строже. — Мы с мамой разговариваем, и тебе не нужно сейчас вмешиваться. Всё будет нормально, я же тебе объяснял. Мама просто расстроилась, но мы обязательно во всём разберёмся.

— Не трогай её, — сказала Вера, поднимаясь со стула. Голос прозвучал неожиданно громко, и Соня испуганно отступила к двери. — Антон, убери от неё руки. Ты уже достаточно ей всего объяснил, как я посмотрю. Сонечка, скажи мне, пожалуйста, ты знаешь эту Марину? Ты с ней встречалась?

Соня растерянно кивнула. Она посмотрела на отца, словно не была уверена, можно ли отвечать, затем перевела взгляд на мать и прижала планшет к груди. Вера подошла ближе, присела перед дочерью и осторожно взяла её за свободную руку. Ей хотелось спросить сразу обо всём, выяснить, что именно говорили девочке, куда её возили, что она делала с чужой женщиной, но Соня уже начинала пугаться, поэтому Вера заставила себя говорить медленнее.

— Мы у бабушки познакомились, — объяснила дочь, теребя край пижамы. — А потом ещё гуляли. Она хорошая, мам. Она мне один раз косички заплела, когда мы ездили за город. Только ты не сердись, пожалуйста. Папа говорил, что ты знаешь, просто тебе пока лучше не рассказывать, потому что ты устаёшь на работе.

Вера закрыла глаза. Ей вдруг вспомнился один воскресный вечер, когда Соня вернулась домой с красивой французской косой и с восторгом рассказывала, как её научили заплетать. Вера тогда спросила, неужели бабушка освоила такую сложную причёску, а дочь что-то невнятно ответила и убежала переодеваться. Она не стала расспрашивать, потому что готовила ужин и торопилась закончить работу. Теперь перед глазами стояла чужая женщина, наклоняющаяся над её дочерью, поправляющая ей волосы, касающаяся маленькой шеи, пока мать сидит за компьютером и ничего не подозревает.

— Папа тебе сказал, что я знаю? — переспросила Вера и не удержалась от нового всхлипа. — Сонечка, посмотри на меня. Ты ведь понимаешь, что я никогда не запрещала тебе рассказывать о прогулках? Почему ты молчала? Почему никто мне ничего не сказал?

— Вера, прекрати допрашивать ребёнка! — вмешался Антон, притягивая Соню к себе. — Она ни в чём не виновата, и ты прекрасно это понимаешь. Ты сейчас её напугаешь, а потом опять будешь говорить, что это я испортил детям настроение. Соня, иди к себе, пожалуйста. Папа сейчас придёт.

Девочка заплакала, и Вера сразу отпустила её руку. Она не хотела причинять дочери боль, но последние слова Антона оказались настолько чудовищными, что сдерживаться становилось всё труднее. Муж стоял рядом с Соней, успокаивал её, гладил по голове и смотрел на жену с явным неодобрением. Со стороны могло показаться, будто именно Вера без всякой причины устроила страшную сцену, а Антону приходилось защищать от неё собственного ребёнка. Она

попыталась что-то сказать, но голос сорвался, и вместо слов получился жалкий, совершенно беспомощный звук.

— Иди к себе, доченька, — наконец выговорила Вера, отступая к столу. — Я сейчас приду. Только не плачь, пожалуйста. Я не на тебя сержусь, слышишь? Ты ни в чём не виновата.

Соня ещё несколько секунд смотрела на неё, затем выскользнула из-под отцовской руки и убежала по коридору. Вера слышала, как хлопнула дверь детской комнаты, и уже собиралась пойти следом, когда Антон преградил ей дорогу. Он выглядел раздражённым и усталым, словно за последние несколько минут жена окончательно подтвердила его самые неприятные опасения.

— Вот видишь, что ты делаешь? — спросил он, указывая на дверь. — Я специально готовил детей, чтобы обойтись без таких сцен. Соня прекрасно общается с Мариной, Кирилл тоже, и до сегодняшнего вечера никто не страдал. Но тебе обязательно нужно было заставить девочку плакать. Ты хотя бы сейчас можешь подумать не только о себе?

Вера смотрела на мужа и никак не могла поверить, что слышит эти слова от человека, с которым прожила семнадцать лет. Ей хотелось ответить, напомнить, кто именно познакомил детей с любовницей, кто месяцами скрывал происходящее и кто приготовил для жены место в пустом доме, пока остальные будут отдыхать. Но Антон уже снова говорил о том, что всё должно пройти спокойно, и Вера внезапно поняла, насколько бесполезно пытаться заставить его почувствовать хотя бы часть её боли. Он не считал себя виноватым в Сониных слезах. Для него виновата была только она, потому что не сумела принять заранее подготовленное решение.

— Позови Кирилла, — потребовала Вера, отодвигая мужа с дороги. — Я хочу поговорить с сыном. И не надо мне рассказывать, что он всё понимает, пока я сама его не услышу.

Антон попытался возразить, но она уже вышла в коридор. Из комнаты Кирилла по-прежнему доносилась музыка, однако игра, кажется, закончилась. Вера остановилась перед дверью и постучала, стараясь не думать о том, что сейчас может услышать. Ей отчаянно хотелось верить, что сын просто видел Марину несколько раз, ничего не понимал и повторял слова отца, не зная их настоящего смысла. Шестнадцать лет — ещё не взрослый возраст, несмотря на все Кирилловы попытки казаться самостоятельным. Возможно, Антон запутал его, наврал, заставил поверить, будто мать сама согласилась на развод. С этой надеждой Вера открыла дверь.

Кирилл сидел за столом перед выключенным монитором. На кровати лежала дорожная сумка с небрежно сложенными вещами, рядом валялись наушники и спортивная кофта, которую Вера ещё утром просила убрать в чемодан. Увидев мать, сын нахмурился, затем посмотрел ей за спину, где остановился Антон. Вера сразу заметила этот взгляд и почувствовала, как надежда, за которую она цеплялась последние несколько минут, начинает исчезать.

— Кирилл, — сказала она, входя в комнату. — Мне нужно тебя кое о чём спросить. Только, пожалуйста, не ври мне. Ты знаешь, кто такая Марина Беляева?

Сын медленно отвёл глаза. Он взял со стола телефон, повертел его в руках, затем положил обратно и пожал плечами. Вера ждала ответа, не решаясь произнести следующий вопрос, а Антон остановился возле двери, словно намеревался контролировать разговор.

— Знаю, мам, — наконец ответил Кирилл, стараясь говорить спокойно. — Папа нам рассказывал. Мы несколько раз вместе куда-то ездили. Только ты давай не начинай опять, ладно? Соня уже плачет, я всё слышал.

Вера подошла к кровати и опустилась на край матраса. Её сын сидел всего в двух шагах, такой знакомый, высокий, нескладный, с отцовскими глазами и привычкой хмурить брови, когда разговор становился неприятным. Она помнила, как учила его завязывать шнурки, как сидела возле кровати во время болезни, как радовалась каждой школьной победе. И сейчас этот мальчик, которому она ещё утром выбирала одежду для отпуска, просил её не начинать,

потому что сестра плачет. Вера почувствовала, что снова готова разрыдаться, но заставила себя удержать голос.

— Ты знаешь, что папа мне изменяет? — спросила она, глядя сыну прямо в лицо. — Ты знал, что у него есть другая женщина? И что он собирается взять её с вами на море вместо меня?

Кирилл поморщился, словно мать произнесла что-то неприятное и совершенно лишнее. Он быстро посмотрел на отца, затем снова опустил глаза и сцепил пальцы на коленях. Вера заметила, как напряжены его плечи, и ещё несколько секунд надеялась, что сейчас услышит признание в том, что он ничего не понимал.

— Мам, ну не надо так, — произнёс сын, стараясь говорить рассудительно. — Папа давно несчастлив, ты же сама видишь. Вы постоянно ругаетесь, почти не разговариваете, и вообще у вас уже давно ничего нормального нет. Нельзя же заставлять людей жить вместе только потому, что они когда-то поженились. Я понимаю, что тебе неприятно, но зачем делать из этого такую трагедию?

Вера отшатнулась, словно сын ударил её. Она прекрасно узнала в его словах Антона, его привычные рассуждения о взрослой жизни и необходимости спокойно принимать сложные решения. Но произносил их Кирилл, её собственный мальчик, сидевший перед ней в комнате, которую они с мужем когда-то вместе красили в голубой цвет. Вера попыталась вспомнить, когда сын успел выучить эти фразы и сколько раз слушал отцовские жалобы, пока она готовила ужин, работала или собирала для них вещи.

— Тебе неприятно? — переспросила она, едва удерживаясь от крика. — Кирилл, ты вообще понимаешь, что сейчас сказал? Мне неприятно, когда я опаздываю на работу или когда у меня болит голова. А твой отец полгода водит вас к любовнице, покупает ей билет на наше семейное море и собирается оставить меня дома! Ты знал, что я выбираю гостиницу? Знал, что я покупала вещи, собирала чемодан, обсуждала с тобой отпуск? Ты всё это знал?

Кирилл замер и снова посмотрел на Антона. Вера проследила за его взглядом и медленно повернула голову к мужу, стоявшему в дверях. Тот уже собирался вмешаться, даже приоткрыл рот, но она подняла руку, не позволяя ему заговорить. Сейчас ей нужен был ответ сына, и она впервые за весь вечер не собиралась принимать вместо него очередное объяснение мужа.

— Кирилл, я тебя спрашиваю, — повторила Вера, чувствуя, как слёзы снова текут по щекам. — Ты ведь сегодня за ужином слышал, как я рассказывала о набережной и ресторане? Слышал, как я спрашивала, куда мы пойдём вместе? Ты знал, что моего билета нет и вместо меня полетит другая женщина? Почему ты ничего не сказал мне, сынок?

Кирилл опустил голову, но ответа не последовало. Его пальцы крепче сжали телефон, лежавший на коленях, а затем он снова посмотрел на отца, будто именно тот должен решить, что теперь можно говорить матери. Вера сидела на краю кровати и ждала, всё ещё надеясь услышать хоть что-нибудь, что объяснило бы это молчание. Но Антон стоял в дверях, Кирилл продолжал смотреть на него, и она наконец поняла, что в этой комнате уже давно существовал разговор, участницей которого её никто не собирался делать.

Глава 2. Чемодан сына

Вера не знала, сколько времени просидела на краю Кирилловой кровати, ожидая ответа. Может быть, прошло всего несколько секунд, но ей показалось, что сын успел несколько раз посмотреть на отца, прежде чем окончательно решился заговорить. Антон стоял в дверях, сложив руки на груди, и выглядел человеком, которого несправедливо задерживают неприятными расспросами. Вера вдруг вспомнила, как ещё несколько часов назад этот самый мужчина сидел за ужином напротив неё, спокойно ел приготовленную курицу и обсуждал с Кириллом велосипеды. Она тогда радовалась, что отец и сын наконец нашли общий язык, и даже не подозревала, что между ними давно существует целая жизнь, о которой ей ничего не известно.

— Мам, ну чего ты от меня хочешь? — Кирилл наконец отложил телефон и раздражённо провёл ладонью по волосам. — Чтобы я сейчас начал рассказывать, какой папа плохой? Вы сами должны были разобраться со своими отношениями. Мне вообще не хотелось во всё это влезать, и я не понимаю, почему теперь крайним должен оказаться я.

— А ты и не был крайним, Кирилл, — ответила Вера, с трудом удерживая голос от нового крика. — Ты прекрасно жил, ездил с папой развлекаться, знакомился с его женщиной и возвращался домой, где мама готовила ужин и спрашивала, хорошо ли ты провёл время. Тебе ведь даже не приходилось ничего придумывать, правда? Достаточно было просто молчать, пока я сама не догадаюсь, что меня полгода держат за последнюю дуру.

Сын отвернулся к окну, и Вера заметила, как покраснели у него уши. Она знала эту особенность с раннего детства: Кирилл краснел, когда сердился или оказывался в неловком положении, хотя изо всех сил старался сохранить равнодушный вид. Ей захотелось подойти, положить ладонь ему на плечо и попросить рассказать всё с самого начала, но рядом стоял Антон, и каждое движение сына словно зависело от его одобрения. Вера уже не могла отделаться от мысли, что за последние месяцы муж успел настроить Кирилла против неё гораздо сильнее, чем признавался. И самое страшное заключалось в том, что сын, кажется, совершенно не считал происходившее предательством.

— Вера, ты сейчас делаешь именно то, от чего я пытался уберечь детей, — вмешался Антон, отступая от дверного косяка. — Я же объяснил, что не собирался устраивать из нашего расставания семейную трагедию. Кирилл достаточно взрослый, чтобы понимать простые вещи, и не надо заставлять его чувствовать себя виноватым только потому, что ты не можешь принять моё решение. Мы с тобой давно живём как соседи, и ты прекрасно это знаешь.

— Как соседи? — Вера резко поднялась с кровати и повернулась к мужу. — Значит, как соседи мы жили? А когда ты в марте на нашу годовщину цветы принёс, мы тоже соседями были? Когда в прошлом месяце просил меня помочь тебе с рекламой, потому что ты ничего не успеваешь, мы были соседями? И когда ты по ночам ложился со мной в одну постель, Антон, ты тоже считал меня соседкой?

Кирилл поморщился и поднялся из-за стола. Ему явно не хотелось слушать, о чём мать говорит с отцом, и Вера сама почувствовала неловкость, когда поняла, какие слова произнесла при сыне. Но отступать теперь она не собиралась. Антон слишком легко употреблял выражения, которые делали их семнадцатилетний брак чем-то незначительным, словно между ними действительно давно ничего не происходило и Вера просто отказывалась признавать очевидное.

— Не надо обсуждать при сыне нашу личную жизнь, — недовольно заметил Антон, первым воспользовавшись её замешательством. — Ты сама понимаешь, что перегибаешь. Я предлагаю закончить этот разговор и вернуться к нему после отпуска, когда все немного успокоятся. Сейчас уже поздно, а нам завтра рано вставать.

— Нам? — Вера невольно усмехнулась, хотя глаза снова наполнились слезами. — Какое интересное слово ты выбрал, Антон. Нам завтра рано вставать, говоришь? Только мне, оказывается, вставать совершенно незачем, потому что мой билет ты отдал своей любовнице. И сын мой об этом знал, пока я ему вещи собирала.

— Мам, я сам вещи собирал, — пробормотал Кирилл, словно именно это обстоятельство имело сейчас какое-то значение. Он потянулся к сумке, лежавшей на кровати, и начал поправлять торчащую из неё футболку. — И вообще, я не знал, как тебе сказать. Папа говорил, что сам поговорит, поэтому я и не лез. Ты бы всё равно расстроилась, когда бы ни узнала.

Вера уставилась на него, не веря своим ушам. Ещё вчера она напоминала Кириллу проверить паспорт, положить зарядку и не забыть спортивную кофту, а он кивал, иногда раздражался и просил не обращаться с ним как с маленьким. Теперь выяснялось, что сын уже давно знал о предстоящем унижении матери и предпочитал не вмешиваться. Она медленно подошла к его сумке, посмотрела на сложенные вещи и вдруг вспомнила, как утром спрашивала, не хочет ли он взять вторые кроссовки. Кирилл тогда ответил, что обойдётся одними, а она ещё пошутила, что на море у него будет возможность наконец перестать ходить исключительно в чёрном.

— Ты хотя бы раз обо мне подумал? — спросила Вера, поворачиваясь к сыну. — Не о папе, не о его счастье, не о том, что тебе будет удобно отдыхать, а обо мне? Ты ведь видел, как я собираюсь, как радуюсь этой поездке. Неужели тебе ни разу не захотелось сказать: «Мам, тебя там никто не ждёт, не надо покупать платье и складывать вещи»?

Кирилл ничего не ответил. Он только сильнее сжал край сумки и снова посмотрел на отца, но тот на этот раз не спешил приходить ему на помощь. Антон явно рассчитывал, что разговор уже закончится, и раздражение на его лице становилось всё заметнее. Вера почувствовала, что ещё немного — и она начнёт кричать на сына так же, как несколько минут назад кричала на мужа. От этой мысли стало страшно, однако оставаться в комнате было невозможно.

— Хорошо, — произнесла она, отступая к двери. — Я услышала всё, что ты хотел мне сказать. И о том, как папа несчастлив, и о том, что ты не обязан вмешиваться. Только больше не надо делать вид, будто ты ничего не понимал. Ты понимал достаточно, чтобы скрывать от меня правду.

Она вышла в коридор, не дожидаясь ответа, и направилась в спальню. Антон пошёл следом, продолжая говорить, что разговор с Кириллом был совершенно лишним, но Вера уже почти не разбирала его слов. В голове гудело, перед глазами стояла дорожная сумка сына, а в груди нарастала такая тяжесть, что приходилось дышать ртом. Добравшись до спальни, она распахнула дверцу шкафа и увидела аккуратно развешанные мужские рубашки. Рядом лежали его часы, запонки, ремни, несколько коробок с обувью. Всё это принадлежало человеку, который ещё утром жил здесь как хозяин, а теперь собирался уехать к другой женщине, оставив жену среди вещей, купленных и выбранных за годы совместной жизни.

Вера схватила первую попавшуюся рубашку и швырнула на кровать. За ней полетели ещё две, затем джинсы, футболки и сложенный на верхней полке свитер. Антон остановился в дверях, несколько секунд наблюдал за происходящим, а потом быстро подошёл и перехватил её руку, когда она потянулась за очередной вещью. Вера резко вырвалась, так что несколько плечиков упали на пол, и посмотрела на него с ненавистью, которой прежде никогда к нему не испытывала.

— Что ты делаешь? — потребовал Антон, оглядывая разбросанную одежду. — Вера, прекрати немедленно! Ты сейчас окончательно доведёшь себя, а потом будешь жаловаться, что я виноват. Нельзя же так себя вести, тебе не двадцать лет.

— Убирайся из моего дома! — закричала она, вытаскивая из шкафа его брюки. — Забирай свои вещи и уходи! Ты хотел жить с этой Мариной, вот и живи с ней! Только не смей больше стоять здесь и объяснять мне, как я должна себя вести!

Антон отпустил её руку и недовольно осмотрел разбросанные вещи. Он ещё попытался сказать, что дом принадлежит им обоим и Вера не имеет права выгонять его, но она уже не слушала. Схватив лежавший возле шкафа его дорожный чемодан, Вера расстегнула молнию и перевернула его на кровать. На покрывало посыпались рубашки, носки, зарядные устройства и аккуратно упакованные туалетные принадлежности. Между вещами оказалась новая светлая футболка, которую она прежде не видела. Вера взяла её двумя пальцами, несколько секунд разглядывала ценник, затем бросила мужу под ноги.

— Ты даже себе всё новое купил, — произнесла она сквозь слёзы. — Собрался, подготовился, любовнице билет оформил, детей приучил. А меня на какой момент оставил, Антон? Когда такси приедет? Или когда вы уже в аэропорту будете? Может, ты вообще хотел, чтобы я вас проводила и пожелала счастливого пути?

— Не придумывай, — ответил муж, поднимая футболку с пола. — Я собирался поговорить сегодня после ужина. Специально выбрал время, когда всё уже решено, чтобы мы не растягивали это на недели. Ты же сама видишь, что любой разговор с тобой превращается в скандал.

— Значит, специально? — Вера вдруг замерла посреди спальни, глядя на него. — Ты специально дождался, пока я соберу чемодан, пока дети настроятся на поездку, пока останется несколько часов до вылета? Ты всё это продумал заранее?

Антон отвернулся и начал складывать одежду обратно в чемодан. Его молчание оказалось достаточно красноречивым, но Вера продолжала ждать ответа, потому что ей хотелось услышать признание своими ушами. Наконец муж устало выпрямился и посмотрел на неё, явно не понимая, почему она придаёт такое значение обстоятельству, которое для него выглядело вполне разумным.

— Я хотел, чтобы мы обошлись без лишней истерики, — объяснил он. — Дети уже привыкли к Марине, поездка оплачена, всё готово. Я рассчитывал, что ты подумаешь хотя бы о них и не станешь устраивать войну из-за того, что взрослые люди приняли решение разойтись. Тебе полезно будет побыть одной, отдохнуть от работы и домашних забот. Вернёмся — спокойно обсудим, что делать дальше.

Вера несколько секунд смотрела на мужа, затем медленно опустилась на край кровати. Она пыталась понять, действительно ли он произнёс всё это вслух, и никак не могла уложить услышанное в голове. Он не просто изменял ей и не просто собирался уйти. Антон заранее рассчитывал на то, что дети станут для неё причиной смолчать, проглотить унижение и позволить им отправиться в отпуск с чужой женщиной. Он оставил разговор на последнюю ночь, потому что прекрасно знал, сколько сил Вера потратила на подготовку поездки и как трудно ей будет причинить детям разочарование.

— Ты мерзавец, — прошептала она, закрывая лицо руками. — Господи, какой же ты мерзавец, Антон. Я ведь тебе верила. Я каждый раз находила объяснение тому, почему ты поздно приходишь, почему не хочешь со мной разговаривать, почему даже обнять меня перестал. А ты всё это время готовил себе новую семью из моих детей.

— Не называй их только своими, — снова раздражённо поправил Антон. — Я такой же отец, как ты мать, и имею право проводить с ними время. Марина никого у тебя не отнимает, она просто хорошо к ним относится. Если бы ты сейчас могла посмотреть на ситуацию без лишних эмоций, то поняла бы, что всё могло пройти гораздо спокойнее.

Вера подняла голову и посмотрела на него. Ей вдруг вспомнилось, как несколько месяцев назад она благодарила мужа за то, что тот стал чаще заниматься детьми. По воскресеньям Антон забирал Кирилла и Соню к своей матери, иногда обещал сводить их в кино или торговый центр, а Вера оставалась дома с фотографиями. Она даже радовалась, что муж нашёл возможность уделять детям больше внимания, и старалась готовить что-нибудь вкусное к их

возвращению. Теперь выходило, что она собственными руками помогала Антону устраивать встречи, на которых её постепенно заменяли другой женщиной.

— А твоя мать знала? — спросила Вера, вытирая мокрое лицо. — Ты ведь говорил, что возишь детей к ней. Нина Павловна тоже была в курсе? Она видела, как вы там все вместе собираетесь?

Антон на мгновение замялся, но быстро справился с собой. Он отвёл взгляд к раскрытому чемодану и принялся расправлять одну из рубашек, словно вопрос не заслуживал особенного внимания. Вера смотрела на его руки и чувствовала, как на смену прежней боли приходит новое, ещё более мучительное подозрение.

— Мама знает Марину, — наконец ответил он. — И не надо сейчас втягивать её в наши отношения. Она пожилой человек, ей совершенно ни к чему твои обвинения. Мама просто хотела, чтобы дети ни в чём не нуждались и нормально пережили перемены.

Вера вскочила с кровати, не помня себя от ярости. Нина Павловна бывала у них дома едва ли не каждую неделю, принимала помощь, жаловалась на здоровье и с удовольствием рассказывала, какие замечательные у неё внуки. Вера возила ей продукты, помогала записываться к врачу, покупала лекарства, а в мае даже отложила несколько заказов, чтобы сопровождать свекровь по магазинам. Всё это время та прекрасно знала, что Антон водит детей к любовнице, и ни разу не обмолвилась ни словом. Вера вспомнила, как свекровь недавно похвалила новую причёску Сони и сказала, что девочке очень идут косы. Теперь она даже не могла быть уверена, что Нина Павловна говорила тогда о причёске, сделанной матерью.

— Значит, и она! — Вера с силой захлопнула дверцу шкафа, так что внутри звякнули плечики. — И твоя мать тоже знала! Вы там всей семьёй решили, что я лишняя, да? Ты, твоя мамаша, Кирилл, даже Соню втянули! Только меня забыли предупредить, потому что я вам всем мешала своим присутствием!

— Прекрати оскорблять мою мать, — резко потребовал Антон, отбрасывая рубашку. — Она здесь вообще ни при чём. И я не позволю тебе обвинять детей, особенно Соню, которая ничего плохого не сделала. Ты сейчас несёшь такое, за что потом сама будешь краснеть.

— Да мне плевать, что ты позволишь! — закричала Вера, подходя к нему почти вплотную. — Ты мне семнадцать лет жизни испортил! Ты моих детей за моей спиной с любовницей знакомил, а теперь ещё будешь указывать, что я имею право говорить? Забирай чемодан и выметайся отсюда! Чтобы я тебя сегодня больше не видела!

Антон отступил на шаг, посмотрел на неё с раздражённым недоумением и снова попытался заговорить спокойнее. Но Вера уже схватила его дорожную сумку и потащила к двери, не обращая внимания на то, что молния осталась расстёгнутой. Из бокового кармана выпал зарядный провод, зацепился за ножку стула и потянул за собой небольшую сумочку с туалетными принадлежностями. Вера даже не остановилась, продолжая тащить чемодан по коридору. Антон поспешил следом, сердито требуя прекратить этот спектакль, и именно в этот момент из детской комнаты показалась Соня.

Девочка стояла босиком, прижимая к груди плюшевого медведя, и испуганно смотрела на родителей. Она уже успела переодеться в другую пижаму, которую приготовила на ночь, но волосы всё ещё оставались немного влажными после душа. Вера увидела её и остановилась, слишком поздно осознав, что кричала так громко, что дочь наверняка слышала каждое слово. Соня переводила взгляд с материнского заплаканного лица на отцовский чемодан и никак не могла понять, почему вещи разбросаны по коридору.

— Мамочка, вы опять ругаетесь? — спросила она дрожащим голосом, сильнее прижимая медведя. — А папа куда собирается? Мы же завтра все должны ехать. Почему ты его выгоняешь?

Антон немедленно подошёл к дочери и присел перед ней. Он обнял Соню за плечи, прижал к себе и погладил по голове, бросив на Веру укоризненный взгляд. Та стояла возле чемо-

дана, чувствуя, как быстро исчезает вся решимость, стоило увидеть испуганное лицо дочери. Ей захотелось подойти и объяснить, что ничего страшного не случится, но Соня уже вцепилась в отцовскую футболку.

— Всё хорошо, солнышко, — сказал Антон, прижимая дочь крепче. — Мама просто очень расстроилась, поэтому немного кричит. Мы с ней обязательно поговорим и разберёмся. Ты не бойся, папа тебя никуда не бросает.

— Я не хочу, чтобы вы ругались, — всхлипнула Соня и уткнулась ему в плечо. — Мамочка, пожалуйста, не кричи. Я больше ничего не буду спрашивать, только не надо так.

Вера почувствовала, как к горлу подступают рыдания. Дочь говорила так, словно действительно считала себя причиной происходящего, и Вере стало мучительно стыдно за собственный крик. Но ещё сильнее её ранило то, как ловко Антон воспользовался испугом ребёнка. Он обнимал Соню, утешал её и смотрел на жену так, будто именно она устроила этот ужас, а ему оставалось лишь спасать дочь от материнской несдержанности. Вера попыталась подойти ближе, однако муж чуть повернулся, словно заслоняя Соню своим плечом.

— Доченька, иди ко мне, — попросила Вера, протягивая руки. — Я не на тебя кричала, слышишь? Я с папой поссорилась, потому что он меня очень сильно обидел. Прости, что ты всё это услышала. Я не хотела тебя пугать.

Соня не сразу решилась отойти от отца, но потом всё-таки протянула руки к матери. Вера опустилась на колени прямо посреди коридора и крепко обняла дочь, стараясь не заплакать снова. Девочка прижалась щекой к её плечу, всхлипнула ещё несколько раз и немного успокоилась. Антон поднялся, поправил футболку и устало покачал головой, словно окончательно убедился в собственной правоте.

— Вот поэтому я и не хотел ничего рассказывать раньше, — произнёс он, не понижая голоса. — Ты посмотри, до чего довела ребёнка. Соня прекрасно общалась с Мариной, была довольна, ждала отпуска, а теперь ей страшно даже из комнаты выйти. И всё только потому, что ты решила устроить сцену.

Вера медленно подняла голову. Она всё ещё обнимала дочь, чувствовала её маленькие руки у себя на шее и понимала, что не может ответить мужу так, как хотелось. Соня снова начинала дрожать при каждом громком слове, поэтому Вера заставила себя промолчать. Она поднялась, взяла дочь за руку и повела в детскую, оставив Антона одного возле раскрытого чемодана.

В комнате горел ночник в форме маленького облака. На кровати лежал подготовленный к поездке рюкзак с игрушками, рядом стояли розовые сандалии, которые Вера купила дочери неделю назад. Соня забралась под одеяло, не выпуская медведя, и тревожно следила, как мать садится рядом. Вера поправила подушку, убрала с лица девочки выбившуюся прядь волос и несколько секунд молчала, не зная, с чего начать. Она привыкла объяснять Соне всё на свете, от устройства фотоаппарата до причин, по которым нельзя есть мороженое перед ужином, но сейчас не могла найти слов для самого важного разговора.

— Мам, а вы с папой разведётесь? — спросила Соня, когда Вера осторожно укрыла её одеялом. — Он сегодня сказал, что вы больше не будете вместе, но я думала, вы просто поссорились. А потом мы поедем на море и всё опять станет хорошо.

Вера почувствовала, как сердце сжалось от жалости. Ей хотелось сказать дочери, что всё обязательно наладится, что папа одумается, вернётся и они снова будут жить как прежде. Но после услышанного на кухне она уже не могла обещать ничего подобного. Антон слишком долго готовился к своему уходу, слишком тщательно всё продумал и совершенно не собирался менять решение. Вера погладила дочь по волосам и заставила себя ответить.

— Я пока не знаю, как всё будет, солнышко, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Но папа решил жить отдельно, и это очень меня расстроило. Мы с тобой и Кириллом оста-

немся семьёй, даже если папа больше не будет жить с нами. И ты всё равно сможешь его любить, понимаешь? Я не собираюсь тебе этого запрещать.

Соня задумалась, потом подвинулась ближе и взяла мать за руку. Вера заметила, что девочка снова смотрит на дорожный рюкзак, стоящий возле шкафа, и приготовилась к очередному вопросу об отпуске. Ей самой было страшно услышать, что дочь хочет поехать с отцом и Мариной, но она решила не заставлять Соню выбирать из-за собственного горя. В конце концов, ребёнок не виноват в том, что взрослые устроили вокруг него такой кошмар.

— А ты правда не поедешь? — тихо спросила девочка, поглаживая пальцем материнскую ладонь. — Я думала, мы все вместе будем. Ты же обещала научить меня нырять и купить мороженое возле пляжа. Папа сказал, что ты хочешь дома остаться, потому что устала.

— Я очень хотела поехать с вами, — ответила Вера, чувствуя, как снова начинают щипать глаза. — Я даже платье новое купила, помнишь? Просто папа решил иначе и не сказал мне заранее. Но ты не должна сейчас из-за этого переживать. Мы завтра поговорим, когда все немного успокоятся, и решим, как лучше поступить.

Соня кивнула, но по её лицу было видно, что слова матери совершенно не успокоили её. Она ещё несколько раз спросила, будет ли Вера плакать, если они уедут, и можно ли каким-нибудь образом взять маму с собой, если отказаться от одного чемодана. Вера отвечала как могла, постепенно успокаивая дочь, пока та наконец не начала засыпать. Перед уходом она поцеловала Соню в лоб, поправила одеяло и погасила большой свет. Несколько минут Вера стояла возле кровати, слушая неровное дыхание девочки, затем осторожно прикрыла дверь.

В коридоре уже было тихо. Антон успел собрать вещи обратно, закрыть чемодан и теперь разговаривал по телефону в кабинете. Вера слышала его приглушённый голос, но не стала прислушиваться. Ей было страшно предположить, что прямо сейчас он успокаивает Марину, объясняет ей поведение жены и обещает, что завтра всё равно приедет. Эта мысль вызвала новый приступ злости, однако сил на очередной скандал почти не осталось. Вера вернулась в спальню, села на кровать среди разбросанной одежды и попыталась понять, что делать дальше.

На часах было почти одиннадцать. Ещё утром она собиралась лечь пораньше, чтобы спокойно встать перед дорогой, а теперь сидела в собственной спальне и смотрела на рубашки человека, которого уже не могла назвать мужем без болезненного чувства в груди. Семнадцать лет они делили одну постель, вместе просыпались, ругались из-за мелочей и мирились, когда ни у кого не оставалось сил продолжать спор. Здесь родились их планы о доме и студии, здесь они обсуждали имена будущих детей, здесь Вера когда-то плакала от счастья, показывая Антону положительный тест на беременность. Теперь он собирался уехать к женщине, которую уже успел познакомить с Кириллом и Соней, а Вере предлагал отдохнуть от семейных забот и спокойно подумать.

Она подняла с пола его старую футболку, ту самую, в которой Антон обычно спал зимой, когда в доме становилось прохладно. На ткани остался привычный запах стирального порошка, и Вера неожиданно прижала футболку к лицу. Ей захотелось, чтобы муж вошёл, обнял её и сказал, что совершил страшную глупость, что всё отменил и никуда не собирается ехать. Она даже поймала себя на мысли, что, возможно, сумела бы простить его, если бы он сейчас искренне попросил прощения. От этого стало так стыдно, что Вера бросила футболку на пол и снова расплакалась.

Антон появился в спальне через несколько минут. Он остановился на пороге, оглядел разбросанные вещи и устало вздохнул. Вера подняла голову, всё ещё надеясь увидеть хотя бы какое-нибудь изменение на его лице, однако муж выглядел лишь раздражённым. Он проверил телефон, посмотрел на часы и заговорил так, словно предыдущий скандал был неприятной, но уже завершённой формальностью.

— Я сейчас уеду, — сообщил он, подходя к шкафу. — Завтра утром заеду за детьми. Такси заказано на половину восьмого, поэтому пусть Кирилл будет готов заранее. Соню тоже не буди в последний момент, она утром всегда долго собирается.

Вера несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять, действительно ли он продолжает обсуждать поездку так, словно ничего не произошло. Муж достал из ящика зарядное устройство, проверил карманы чемодана и начал складывать последние вещи. Она вдруг заметила, что он совершенно не интересуется, как чувствует себя Соня после их ссоры. Для Антона дочь уже успокоилась, а значит, неприятность была исчерпана.

— Соня никуда не поедет, пока я с ней не поговорю, — ответила Вера, вытирая лицо рукавом домашней кофты. — Ты не можешь просто забрать детей утром и сделать вид, что всё нормально. Она плакала из-за тебя, Антон. Она до сих пор не понимает, почему мама вдруг стала лишней.

— Не начинай снова, — поморщился он, застёгивая чемодан. — Соня собиралась на море, она ждала эту поездку несколько месяцев. Я не собираюсь лишать её отпуска только потому, что ты решила наказать меня. Если завтра она успокоится и захочет поехать, никаких препятствий быть не должно.

— Я не собираюсь её наказывать, — возразила Вера, чувствуя, как снова закипает злость. — И не надо объяснять мне, что я должна делать с собственной дочерью. Ты уже достаточно за всех нас решил. Я сама с ней поговорю утром, а сейчас забирай вещи и уходи.

Антон пожал плечами, словно именно такого ответа и ожидал. Он вывез чемодан в коридор, вернулся за телефоном и бумажником, затем ненадолго остановился возле кровати. Вера невольно выпрямилась, ожидая, что он скажет что-нибудь напоследок. Муж несколько секунд смотрел на неё, потом заговорил чуть мягче, чем прежде.

— Вер, я понимаю, что тебе сейчас больно, — произнёс он, убирая бумажник в карман. — Но когда-нибудь ты сама увидишь, что так будет лучше для всех. Мы давно перестали быть счастливы вместе, и нет никакого смысла мучить друг друга дальше. Я не собираюсь отказываться от обязанностей перед детьми или бросать тебя без помощи. Просто нам нужно научиться жить по-другому.

Вера посмотрела на него сквозь слёзы. Ей хотелось спросить, когда именно он перестал быть счастливым, почему не говорил об этом раньше и что она могла бы сделать, чтобы сохранить семью. Но рядом с этими вопросами сразу возникали другие: как он мог обнимать другую женщину, а потом приходить домой к жене, как решился знакомить детей с любовницей, как спокойно обсуждал с ними отпуск, в котором для матери не было места. Вера сжала пальцы, чтобы не потянуться к мужу, и отвернулась к окну.

— Уходи, Антон, — сказала она, стараясь не сорваться на крик. — Я больше не хочу сейчас слышать твой голос. И не надо мне объяснять, как ты обо всех позаботился. Я уже поняла, что ты всё прекрасно устроил.

Антон постоял ещё немного, потом молча вышел из спальни. Через несколько минут хлопнула входная дверь, за окном послышался звук автомобильного двигателя, и Вера поняла, что муж действительно уехал. Она подошла к окну, отодвинула штору и увидела красные огни машины, удалявшейся по улице. Ей захотелось выбежать следом, заставить его остановиться и хотя бы ещё раз спросить, почему он так поступил. Но ноги не слушались, а в пустом доме было слишком тихо. Вера вернулась к кровати и просидела на ней почти до рассвета, иногда забываясь коротким тревожным сном, после которого снова вспоминала о случившемся.

Утром её разбудил шум из кухни. Вера открыла глаза, не сразу поняв, почему лежит поперёк кровати поверх покрывала, а рядом валяются мужские рубашки. Первым порывом было повернуться к Антону и спросить, который час, но его половина кровати оставалась пустой. Вера поднялась, умылась холодной водой и посмотрела в зеркало. Лицо распухло от слёз, глаза покраснели, волосы растрепались, и она с трудом узнала себя. Обычно перед отпуском Вера

просыпалась раньше всех, готовила завтрак и проверяла документы, а сегодня ей не хотелось даже выходить из спальни.

На кухне хозяйничал Кирилл. Он стоял возле холодильника в дорожных брюках и футболке, доставал йогурт и явно собирался поесть перед отъездом. Увидев мать, сын замер, затем неловко поздоровался и отвернулся к столу. Вера заметила, что сумка его уже собрана и стоит возле входной двери. Он действительно собирался уехать, несмотря на всё, что произошло ночью.

— Доброе утро, мам, — пробормотал Кирилл, открывая йогурт. — Ты не знаешь, где мой паспорт? Я вчера положил его на стол, а сейчас не могу найти. Папа скоро приедет, поэтому лучше заранее всё проверить.

Вера медленно подошла к буфету, где оставила документы после ночного разговора. Она нашла паспорт сына, положила перед ним и только после этого заметила, что Кирилл старается не смотреть ей в лицо. Ей стало невыносимо обидно оттого, что он спокойно завтракает, собирается в дорогу и беспокоится о паспорте, словно вчера в их доме ничего особенного не произошло. Впрочем, по тому, как сын возился с ложкой, было видно, что он тоже чувствует себя неловко. Просто это неудобство пока не заставляло его менять планы.

— Ты всё-таки едешь? — спросила Вера, остановившись возле стола. — После вчерашнего разговора? Кирилл, ты правда собираешься провести неделю с папой и Мариной, будто ничего не случилось?

Сын тяжело вздохнул и отодвинул йогурт. Он несколько секунд смотрел на свои руки, затем поднял голову и заговорил с тем серьёзным выражением, которое Вера ещё недавно считала признаком взросления. Сейчас эта серьёзность почему-то причиняла ей только боль.

— Мам, я не хочу выбирать между вами, — ответил Кирилл. — Папа всё оплатил, мы давно собирались, и я правда хочу на море. Я понимаю, что ты расстроилась, но не могу же я теперь вообще никуда не ехать только потому, что вы решили развестись. Я ведь не виноват, что у вас так получилось.

— Вы решили развестись? — переспросила Вера, с трудом удерживая слёзы. — Кирилл, я ещё вчера утром думала, что у нас нормальная семья. Я собирала чемодан и планировала отпуск, а твой отец уже несколько месяцев водил вас к другой женщине. Не надо говорить, будто мы с ним вместе что-то решили. Он всё решил за меня, и ты об этом прекрасно знал.

Кирилл сжал губы и снова отвёл взгляд. Вера заметила, что он собирается возразить, но не может найти подходящих слов. Ей хотелось услышать, что сын передумал, что останется с ней и Соней, однако она понимала, что не имеет права требовать такого решения. Он любил отца, ждал отпуск, хотел отдохнуть после учебного года и, возможно, ещё не представлял всей тяжести случившегося. Но от этого ей не становилось легче, особенно когда она видела его дорожную сумку у входной двери.

— Я не запрещаю тебе ехать, — сказала Вера, с усилием отодвигая стул. — Ты уже достаточно взрослый, чтобы принимать такие решения. Только не надо делать вид, что ты совершенно ни при чём. Ты мог сказать мне правду, Кирилл. Хотя бы вчера утром, когда видел, как я собираюсь. Но ты предпочёл промолчать, потому что так было удобнее.

Сын поднял глаза, и Вера увидела в них раздражение, смешанное с растерянностью. Он не привык, чтобы мать разговаривала с ним подобным образом. Обычно она первой старалась помириться после ссоры, приходила в комнату, садилась рядом и начинала осторожно расспрашивать, что случилось. Сейчас Вера не собиралась делать вид, будто сын просто нагрубил ей из-за плохого настроения. Кирилл, кажется, тоже это понял и некоторое время молчал, не зная, как продолжить разговор.

— Мам, ну пожалуйста, не надо меня сейчас добивать, — наконец попросил он, снова опуская голову. — Я и так плохо спал после вчерашнего. Давай я просто съезжу, а когда вер-

нусь, мы нормально поговорим. Я же не перестаю быть твоим сыном из-за того, что еду с папой на море.

Вера отвернулась к окну, потому что снова почувствовала, как подступают слёзы. Ей хотелось ответить, что сыном он, конечно, останется, сколько бы ни причинял ей боли, но именно этим сейчас пользовался Антон. Муж был уверен, что дети станут для Веры причиной молчать, соглашаться и отступать. А Кирилл, сам того не понимая или не желая понимать, просил её сейчас сделать именно это: отпустить его спокойно, не показывать своей боли и позволить уехать с приятным чувством, будто всё уже улажено.

— Ты мой сын, Кирилл, и всегда им будешь, — ответила Вера после короткой паузы. — Но я не могу сейчас улыбнуться и пожелать вам счастливого отдыха. Ты ведь понимаешь почему? Я не стану устраивать тебе сцену перед отъездом, но и притворяться, будто ничего страшного не произошло, тоже не буду.

Кирилл ничего не сказал. Он допил йогурт, выбросил стаканчик и вышел из кухни, оставив мать одну перед нетронутым завтраком. Вера услышала, как он поднялся на второй этаж, и ещё несколько минут сидела за столом, пытаясь успокоиться. Потом вспомнила о Соне, которая до сих пор спала, и решила подняться к дочери. Что бы ни происходило между ней и Антоном, младшая не должна была проснуться среди чужих ссор и обнаружить, что за неё уже всё решили.

Соня лежала поперёк кровати, обняв медведя, а одеяло сбилось к ногам. Вера осторожно присела рядом, погладила дочь по плечу и тихонько позвала её. Девочка открыла глаза, несколько секунд смотрела на мать, затем внезапно нахмурилась и приподнялась на локтях. По её лицу было видно, что она вспомнила вчерашний вечер ещё до того, как окончательно проснулась.

— Мамочка, ты плакала? — спросила Соня, заметив опухшие глаза матери. — Папа уже уехал? А мы сегодня на море полетим или нет? Я всю ночь думала, что надо было сразу сказать тебе про Марину.

Вера обняла дочь и поцеловала её в макушку. Ей захотелось уверить Соню, что всё обязательно будет хорошо, но после вчерашних разговоров она больше не могла произносить такие обещания бездумно. Поэтому Вера только объяснила, что папа скоро приедет за детьми, а сама она останется дома. Соня несколько секунд смотрела на мать, затем соскользнула с кровати и подошла к своему дорожному рюкзаку.

— Тогда я тоже останусь, — сказала девочка, поднимая медведя с пола. — Я не хочу ехать без тебя. Мы же вместе собирались, и ты обещала меня плавать научить. А папа пусть едет, если ему так хочется.

— Сонечка, ты не должна оставаться только потому, что боишься меня расстроить, — осторожно ответила Вера, подходя к дочери. — Я очень тебя люблю и буду скучать, если ты поедешь, но не стану сердиться. Ты ведь так ждала море. Если хочешь отдохнуть с папой, можешь ехать, а мы потом с тобой обязательно куда-нибудь выберемся вдвоём.

Соня покачала головой и прижала медведя к груди. Она выглядела не капризной, а совершенно растерянной, словно вчерашняя ссора лишила её уверенности в самых простых вещах. Вера опустилась перед дочерью на колени, пытаясь заглянуть ей в глаза, и вдруг поняла, что та не столько отказывается от моря, сколько боится оставить мать одну. От этого открытия стало ещё больнее, потому что именно такого положения для неё и добивался Антон.

— Я хочу с тобой, мам, — повторила Соня, обнимая её за шею. — Мне без тебя не надо. А на море мы потом поедем, когда ты перестанешь плакать. Хорошо?

Вера прижала дочь к себе и несколько секунд не могла ответить. Ей хотелось сказать, что Соня не обязана заботиться о мамином настроении, но в то же время она была бесконечно благодарна за эти маленькие руки, обнимающие её шею. Наконец Вера кивнула, поцеловала

дочь в щёку и предложила спуститься завтракать. Она решила, что не станет уговаривать Соню ехать против её желания, однако ещё раз спокойно поговорит с ней, когда приедет отец.

Антон появился около семи часов. Он поставил машину возле ворот, достал телефон и позвонил Кириллу, даже не пытаясь сначала войти в дом. Вера увидела его из кухонного окна и почувствовала, как сердце болезненно сжалось. Муж выглядел свежим, выспавшимся, в светлой футболке и дорожных брюках, с аккуратно уложенными волосами. Она невольно вспомнила собственное отражение в зеркале и почувствовала такую обиду, что несколько секунд не могла отвести от него взгляд. Антон собирался в отпуск, а она провела почти всю ночь в слезах, пытаясь понять, что теперь будет с её жизнью.

Кирилл спустился с сумкой, быстро надел кроссовки и сообщил, что отец уже приехал. Вера стояла возле лестницы, наблюдая, как сын проверяет телефон и документы. Она заметила, что он несколько раз собирался что-то сказать, но каждый раз отводил взгляд. Наконец Кирилл подошёл ближе, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Мам, ну мы поехали тогда, — произнёс он, поправляя ремень сумки на плече. — Я буду писать, как долетим. И Соне скажи, что я потом ей фотографии пришлю. Ты только не расстраивайся сильно, ладно? Мы ведь скоро вернёмся.

Вера посмотрела на сына и почувствовала, что именно последняя просьба ранила её сильнее всего. Кирилл хотел уехать, отдохнуть, увидеть море и при этом оставить мать в таком состоянии, чтобы собственная совесть не мешала ему наслаждаться отпуском. Она понимала, что сын ещё слишком молод, чтобы разобраться во всём происходящем, но никакая молодость не могла отменить того, что вчера он сознательно участвовал в её унижении. Вера подошла к двери и открыла её, пропуская Кирилла наружу.

— Напиши, когда прилетите, — сказала она, стараясь говорить ровно. — И паспорт не потеряй. Я не буду запрещать тебе отдыхать, но ты тоже не проси меня делать вид, что мне сейчас хорошо. Я пока не умею.

Кирилл кивнул и вышел на крыльцо. Возле машины его уже ждал Антон, который сразу спросил, где Соня и почему дочь до сих пор не готова. Вера остановилась на пороге, придерживая дверь, и почувствовала, как всё внутри снова напряглось. Муж даже не посмотрел на неё как следует, словно вчерашнего разговора было вполне достаточно и теперь оставалось только закончить сборы.

— Соня решила остаться со мной, — ответила Вера, когда Антон повторил вопрос. — Я разговаривала с ней утром, и она сказала, что не хочет ехать без мамы. Не надо сейчас устраивать ей новые уговоры, Антон. Она и так всю ночь переживала.

— Прекрасно, — раздражённо произнёс муж, останавливаясь возле открытого багажника. — Я так и знал, что ты этим закончишь. Вчера устроила скандал, напугала девочку, а сегодня она уже отказывается от отпуска, которого ждала полгода. Ты хоть понимаешь, что делаешь? Соня потом сама будет жалеть.

— Ты можешь с ней поговорить, если хочешь, — ответила Вера, чувствуя, как снова начинает дрожать голос. — Только не вздумай обвинять её в том, что она хочет остаться с матерью. Я её не уговаривала и ничего не запрещала. Она сама решила, и я не собираюсь заставлять её ехать с твоей любовницей ради того, чтобы тебе было удобнее.

Антон сердито захлопнул багажник и направился к крыльцу. Вера невольно отступила на шаг, но муж прошёл мимо неё, вошёл в дом и позвал дочь. Соня появилась из кухни, где сидела с чашкой какао, и остановилась возле лестницы. Она уже переоделась в домашние шорты и футболку, а приготовленный к поездке рюкзак оставила в своей комнате. Увидев отца, девочка улыбнулась, но тут же посмотрела на Веру, словно проверяя, не станет ли та снова плакать.

— Сонечка, ты почему не собираешься? — спросил Антон, стараясь говорить ласково. — Мы же договорились ехать на море. Там бассейн, пляж, все развлечения, которые ты хотела. Давай быстро одевайся, а то мы опоздаем.

Соня покачала головой и подошла ближе к матери. Вера почувствовала, как маленькая ладонь осторожно коснулась её руки, и сжала пальцы дочери в ответ. Она не стала вмешиваться, хотя ей очень хотелось немедленно прекратить разговор. Антон присел перед Соней и начал объяснять, что мама просто расстроена, но обязательно успокоится, пока они будут отдыхать.

— Пап, я не хочу, — повторила девочка, сильнее прижимаясь к Вере. — Я хочу с мамой остаться. Мы потом вместе поедем на море. Я тебе обещаю, что не буду капризничать, только не заставляй меня сейчас.

Антон выпрямился и несколько секунд смотрел на дочь. По его лицу было видно, что он не ожидал такого упрямства, особенно после всех прежних встреч с Мариной. Он попробовал ещё раз заговорить о бассейне и развлечениях, но Соня только покачала головой. В конце концов муж раздражённо вздохнул, посмотрел на часы и отступил к двери.

— Хорошо, оставайся, — сказал он, обращаясь к дочери, но глядя при этом на Веру. — Только потом не говори, что я тебя не звал. И надеюсь, мама найдёт, чем тебя занять, раз решила всё переиграть в последнюю минуту. Кирилл, ты готов? Тогда поехали, нам ещё до аэропорта добираться.

Соня заплакала, но на этот раз не побежала за отцом. Она стояла рядом с матерью, крепко держась за её руку, и смотрела, как Антон выходит из дома. Вера почувствовала желание окликнуть его, потребовать вернуться и хотя бы нормально попрощаться с дочерью, но муж уже спускался с крыльца. Кирилл задержался возле двери, оглянулся на сестру и неловко улыбнулся ей.

— Сонь, ну ты чего? — спросил он, стараясь говорить бодро. — Мы же скоро вернёмся. Я тебе привезу что-нибудь интересное, ладно? Может, ракушек наберу, если нормальные найду.

— Не надо мне ракушек, — всхлипнула Соня, прижимаясь к матери. — Ты лучше сам возвращайся. И папе скажи, чтобы он на маму больше не кричал.

Кирилл смутился и быстро посмотрел на Веру. Она стояла возле двери, с трудом удерживая слёзы, и не знала, что теперь сказать сыну. Ей хотелось обнять его, прижать к себе, попросить не уезжать, но после вчерашнего разговора подобный порыв казался почти унизительным. Кирилл, похоже, тоже ждал привычного прощания. Он несколько секунд переминался с ноги на ногу, затем поправил сумку и сделал шаг к выходу.

— Ну ладно, мам, — произнёс он, неуверенно улыбнувшись. — Я тогда пошёл. Ты не обижайся на меня сильно, пожалуйста. Я правда не хотел, чтобы всё так получилось.

Вера кивнула, но обнять сына не смогла. Она смотрела на его лицо, замечала растерянность и неловкость, понимала, что ему тоже тяжело, но между ними словно стояло всё то, о чём он предпочитал молчать последние месяцы. Кирилл ещё немного подождал, потом опустил голову и вышел на крыльцо. Вера проводила его взглядом, чувствуя, как больно сжимается сердце. Она знала, что через несколько минут пожалеет, что не обняла сына, но сейчас просто не могла заставить себя сделать вид, будто всё в порядке.

Антон уже сидел за рулём, когда Кирилл открыл дверцу машины. Сын бросил сумку назад, устроился на пассажирском сиденье и повернул голову к дому. Вера стояла в открытых дверях, обнимая Соню за плечи, и видела, как Кирилл снова смотрит на неё. Возможно, он всё ещё надеялся, что мать подойдёт к машине, поцелует его на прощание и пожелает счастливого пути. Но Вера осталась на пороге. Антон завёл двигатель, быстро проверил телефон и выехал со двора, не обернувшись ни разу.

Когда машина скрылась за поворотом, Соня подняла голову и спросила, почему мама снова плачет. Вера не сразу нашла ответ. Она закрыла входную дверь, повернула ключ и несколько секунд стояла в прихожей, слушая наступившую тишину. Вчера в это время она собиралась в отпуск всей семьёй, а теперь муж и сын уехали к другой женщине, оставив её дома

с девятилетней дочерью. На тумбе по-прежнему лежали документы, рядом стоял её дорожный чемодан, а на лестнице валялась забытая Кириллом кепка.

— Мамочка, а мы правда потом поедем на море? — спросила Соня, осторожно касаясь её руки. — Только ты, я и Кирилл? Можно ещё папу позвать, если он больше не будет ругаться. Я бы очень хотела, чтобы мы снова все вместе поехали.

Вера присела перед дочерью и обняла её. Ей хотелось сказать, что папа обязательно вернётся, что Кирилл всё поймёт и когда-нибудь они снова будут счастливы, но после вчерашнего она уже боялась давать обещания. Поэтому только поцеловала Соню в щёку и сказала, что они обязательно выберутся куда-нибудь, когда немного оправятся от всего случившегося. Девочка кивнула, хотя по её лицу было видно, что она надеялась на другой ответ.

В спальне Вера открыла свой чемодан и начала доставать вещи. Первой попалась новая тёмно-синяя одежда, которую она ещё вчера показывала мужу. Платье было аккуратно сложено между футболками, и Вера несколько секунд держала его в руках, вспоминая, как стояла в дверях кабинета и ждала от Антона хотя бы одного внимательного взгляда. Теперь ей хотелось разорвать платье на куски, выбросить вместе с остальными вещами и никогда больше не вспоминать, ради кого она его покупала. Но она только положила его на кровать, разгладила ткань и снова потянулась к чемодану.

Соня пришла следом и остановилась возле двери. Она наблюдала, как мать раскладывает вещи по полкам, затем подошла ближе и принялась помогать, доставая свои маленькие футболки и купальники. Вера заметила, что дочь старается не говорить об отце, и от этого ей стало ещё больнее. Девочке всего девять лет, а она уже учится подбирать слова, чтобы не причинить матери лишних страданий.

— Мам, а хочешь, я тебе что-нибудь расскажу? — спросила Соня, осторожно складывая купальник на край кровати. — Только ты не будешь опять плакать? Я вчера хотела сказать, но папа потом сердился, а ты и так очень расстроилась.

Вера отложила платье и посмотрела на дочь. Соня стояла рядом, теребя край купальника, и выглядела такой серьёзной, что у матери снова болезненно сжалось сердце. Она протянула руку, усадила девочку возле себя и постаралась улыбнуться, хотя глаза ещё оставались мокрыми.

— Рассказывай, солнышко, — попросила Вера, поглаживая дочь по волосам. — Я обещаю, что не стану на тебя сердиться. Что бы ты ни сказала, ты ни в чём не виновата. Просто мне сейчас очень тяжело, но это обязательно пройдёт.

Соня немного помолчала, потом придвинулась ближе и положила голову матери на плечо. Вера обняла её, ожидая рассказа о какой-нибудь прогулке с отцом или подарке Марины. Но дочь заговорила совсем о другом, и от первых же её слов Вера почувствовала, как всё внутри снова холодеет.

— Бабушка тоже сказала, что ты потом привыкнешь к Марине, — тихо призналась Соня, не поднимая головы. — Когда мы у неё были, она говорила, что сначала тебе будет обидно, но потом ты всё поймёшь и перестанешь сердиться. И ещё просила не рассказывать тебе про наши встречи, потому что взрослые сами должны обо всём договориться. Мамочка, я ведь правда думала, что ты всё знаешь. Бабушка же не стала бы меня обманывать?

Глава 3. Пять месяцев чужого счастья

Вера не сразу нашла, что ответить дочери. Она сидела на краю кровати, держа в руках тёмно-синее платье, которое ещё два дня назад со

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.